

Обзор исследований восприятия опасности и перспективы его изучения в клинической психологии развития

Вещикова М.И.,

аспирант отдела медицинской психологии, ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН, Москва, Россия, mveshchikova@gmail.com

Цели исследований, посвященных восприятию опасности, – предсказать поведение человека, группы или общества в условиях потенциальной опасности, определить основные группы факторов, влияющих на оценку риска, и источники искажений этой оценки. В обзоре представлены социологические теории опасности, отмечены выявленные исследователями гендерные различия в восприятии опасности, подробно описаны индивидуальные факторы восприятия опасности. Рассмотрены перспективы изучения восприятия опасности внешнего мира в клинической психологии развития. Подчеркивается, что ключевым периодом для становления процесса оценки опасности является подростковый возраст, поскольку именно в этом возрасте происходят наиболее значительные количественные и качественные изменения в познавательной сфере: развитие абстрактно-логического мышления, повышение интереса к темам жизни и смерти, появление «персонального мифа».

Ключевые слова: психология восприятия, психология риска, риск, восприятие опасности.

Для цитаты:

Вещикова М.И. Обзор исследований восприятия опасности и перспективы его изучения в клинической психологии развития [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Т. 6. № 4. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Veshchikova.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Veshchikova M.I. A review of studies of danger perception and prospects of its study in clinical psychology development [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru* [*Psychological Science and Education PSYEDU.ru*], 2014, vol. 6, no. 4. Available at: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Veshchikova.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

Психология риска развивается как одно из направлений междисциплинарных исследований в области медицины и социальных наук. Исследования риска преимущественно подчинены практическим задачам медицины, экономики, социологии, в которых важную роль играет вопрос о закономерностях поведения людей в условиях неопределенности и принятия решений. Однако отдельные направления исследований взаимодействия человека с опасностью представляют теоретический интерес: для психологии – индивидуальные различия и возрастная специфика восприятия и принятия риска (рисковое поведение); для клинической и медицинской психологии – связь с отдельными заболеваниями, субъективная оценка рисков лечения.

Процесс восприятия опасности изучается на различных иерархических уровнях:

- *общество* (социологические теории Э. Гидденса, У. Бека, А. Вильдавски и К. Дейка). Оцениваются такие макросоциальные факторы, как организация науки и

информированность населения о технологиях, культуральные ценности;

- *группа*. Оцениваются факторы образования, гендерной принадлежности;
- *личность*. Исследуется влияние отдельных личностных черт на восприятие риска и рисковое поведение, влияние перцептивных искажений и мотивационных структур.

Социологические теории восприятия опасности

Одна из наиболее заметных социологических теорий — теория «общества риска» У. Бека [2]. Современное общество, характеризующееся распределением благ, сменяется «обществом риска», которое производит и потребляет риски. Понятие «риск» в концепции У. Бека объединяет широкий круг угроз – социальных, природных, антропогенных, – негативные последствия которых не ограничиваются уже произошедшими событиями, но распространяются и на будущее. Последствием нарастания рисков автор видит возникновение социально опасных ситуаций, усиление социального неравенства, изменение ориентации общества на предполагаемые условия существования.

У. Бек рассматривает отношение общества к риску: каждый риск обществом оценивается как существенный либо «легитимизируется». На этом уровне происходит формирование социальных представлений об источниках и последствиях рисков, которые также могут становиться и личными представлениями членов общества.

Важной чертой риска является недоступность знания о нем в рамках индивидуального опыта. Осознание наличия рисков опосредуется информацией, которую общество получает от экспертов. Мнение непрофессионалов считается некомпетентным и игнорируется. Так человек до определенной степени оказывается лишенным полномочий давать оценку опасностям, которым он сам подвергается.

Э. Гидденс описал реакции индивида на осознание риска: прагматичное принятие (сосредоточение на ежедневных проблемах выживания), сдержанный оптимизм (надежда на лучшее несмотря на опасности в настоящем), циничный пессимизм (осознание причастности к нежелательным последствиям опасности), радикальное обязательство (борьба с существующими источниками угроз). Согласно Э. Гидденсу, риск связан с доверием: рискогенное социальное действие основывается на доверии к социальной системе. Доверие является условием снижения риска, а его отсутствие деструктивно [1].

М. Дуглас и А. Вильдовски развивают культурно-символическую теорию, в которой восприятие риска связывается с мировоззренческими установками.

М. Дуглас связывает риск с атрибуцией вины. Она утверждает, что люди ассоциируют опасности для общества (например, эпидемии, голод) с поведением, нарушающим его нормы. Это определяет в сознании индивида идею неприятия нарушения системы ценностей социума. Вследствие этого общественное порицание направляется на индивидов, чье поведение нарушает нормы [16]. Также М. Дуглас предложила двумерную модель рассмотрения общественной структуры, в которой первое измерение – «группировка», а второе измерение – «иерархия». «Сильно группированный» стиль жизни предполагает высокую степень общественного контроля, в то время как «слабо группированный», напротив, предполагает значительную самодостаточность индивида. «Высоко иерархический» стиль характеризуется наличием явных и устойчивых форм стратификации ролей и авторитета, в то время как «низко иерархический» дает нам более уравнивающую картину. Впоследствии в совместной работе с А. Вильдовски [17] на основании двумерной модели группирования/иерархии было выделено четыре стиля жизни, для каждого стиля был описан взгляд на природу («хрупкая», «надежная» или «капризная»), который благоприятствует продвижению в конкуренции с остальными. В рамках

культуральной теории восприятия риска также рассматривались закономерности восприятия политических событий, законов, научных исследований.

В работах А. Вильдавски и К. Дейка рассматриваются и другие теории восприятия риска. Теория знания утверждает, что люди оценивают технологии как опасные, поскольку у них имеется информация об этой опасности. Экономическая теория связывает склонность к риску с благосостоянием: по мнению авторов, более состоятельные люди склонны к риску, поскольку могут извлечь из него выгоду и защищены от последствий неудач, люди с низким уровнем достатка избегают риска, поскольку негативные последствия для них могут быть непреодолимыми. Сами же А. Вильдавски и К. Дейк рассматривают индивидов как самостоятельных организаторов своего восприятия в отношении опасности: люди избирательны в отношении рисков, и их мнение базируется на стереотипах, сложившихся в обществе [3].

На социологическом уровне проверялась гипотеза о том, что сообщества, сталкивавшиеся с большим количеством технологических угроз, будут к ним менее чувствительными. Оценивались данные из 25 стран, касающиеся воспринимаемой угрозы окружающей среде [24]. Было обнаружено, что восприятие риска отрицательно связано с уровнем технологического превосходства и положительно — с уровнем роста технологий. Наибольший риск для окружающей среды виделся в странах с низким уровнем развития технологий, в которых недавно начался активный прогресс в этой области.

Групповые различия в восприятии опасности

Исследования гендерных различий в восприятии опасности показали, что женщины оценивают угрозу окружающей среде как более серьезную по сравнению с мужчинами. Женщины выше оценивают риск ядерного оружия и атомной энергетики (эту разницу демонстрируют даже женщины-ученые). Женщины также выше оценивают угрозу преступности. Подобные гендерные различия проявляются уже в детстве: девочки оценивают риски, связанные с играми, выше по сравнению с мальчиками [14].

Вместе с тем причина такого различия частично объясняется разным социо-демографическим положением мужчин и женщин, участвовавших в исследованиях. Исследование большой выборки в Америке показало, что различия между белыми мужчинами и женщинами возникало в связи с наличием подгруппы мужчин (30 % от их числа), оценивающих опасность особенно низко, другая же подгруппа показывала результаты, не отличающиеся от результатов женщин. Мужчины, дававшие низкую оценку опасности, преимущественно имели хорошее образование, высокий доход, были более консервативны в политических взглядах, испытывали большее доверие к официальным институтам и не были согласны отдавать право оценки рисков широкой общественности [19].

Это же исследование показало отсутствие разницы между белым и цветным населением. В качестве выводов авторы утверждают, что гендерные различия в оценке рисков могут объясняться неравностью социо-демографического положения мужчин и женщин, участвующих в исследованиях. Это объясняет, почему часто гендерные различия не обнаруживаются: исследования могут рассматривать более уравненные выборки.

Индивидуальные факторы восприятия опасности

В анализируемых источниках преимущественно рассматриваются следующие категории индивидуальных факторов восприятия опасности: перцептивные искажения, мотивация, собственно индивидуальные особенности.

Рассмотрим каждый из этих факторов в отдельности.

Перцептивные искажения. Исследования Даниэля Канемана и Амоса Тверски, посвященные закономерностям принятия решений в условиях неопределенности, положили начало психологии риска. Суждения человека о риске основываются на данных ограниченной достоверности и обрабатываются по правилам эвристики. Эвристики сводят сложные задачи оценки вероятности и прогнозирования значения величин к более простым операциям суждения и одновременно провоцируют ошибочные выводы.

Существует ограниченное количество эвристик, которые используются в обыденности [7]:

- **репрезентативность.** В соответствии с этой эвристикой степень вероятности какого-либо события отождествляется с его репрезентативностью (например, вероятность принадлежности человека к профессии оценивается по соответствию этого человека стереотипам о профессии). Вероятность события оценивается степенью, в которой оно подобно исходной совокупности, и отражает существенные особенности процесса, с помощью которого было создано. Но эта эвристика не учитывает размер выборки, частоту предшествующих значений, переоценивает воспроизводимость результатов, полученных на малом количестве наблюдений;
- **доступность.** Эвристика заключается в том, что как наиболее вероятные оцениваются те ситуации, информация о которых наиболее легко вспоминается или представляется. Следствие этой эвристики – повышение субъективной вероятности риска, который широко обсуждается;
- **эффект привязки.** Данная эвристика проявляется при оценке числовых значений: параметр неизвестного значения имеет тенденцию приближаться к ранее указанным в контексте ситуации величинам.

Непрофессионалы при оценке рисков редко имеют оперативный доступ к статистическим данным и преимущественно делают выводы на основании того, что они помнят из услышанного ранее о данном риске. В этих случаях вышеописанные эвристики используются как общие правила вывода. Исследования показывают, что эвристики разным образом искажают риски различного происхождения. Так, наиболее серьезные ошибки возникают при оценках финансовых и природных рисков.

Использование эвристики доступности обуславливает немалое количество страхов и предубеждений человека. Исследования оценки частоты смертельных событий показали, что люди переоценивают редкие причины смерти и недооценивают распространенные. Завышается оценка частоты смертельных случаев, связанных с драматическими и необычными событиями, в то же время недооцениваются события, жертвы которых единичны либо малочисленны, а сами события в несмертельной форме являются привычными. Источником таких искажений являются средства массовой информации.

В современных условиях люди преимущественно получают знания об окружающем мире не из личного опыта, а из средств массовой информации, которые уделяют больше внимания неординарным событиям, нежели частотным рискам, не несущим драматического содержания. Одно из негативных следствий эвристики доступности – страх при попадании в ситуации, риск которых маловероятен, однако последствия многократно описаны. Другое следствие – недооценка риска лично для себя, поскольку негативные известия о несчастных случаях, случившимся с другими, люди узнают регулярно, сами же редко становятся жертвами. За счет иллюзии «иммунитета к риску» игнорируются меры предосторожности. Так, большинство людей оценивают себя как более умелых водителей по сравнению с другими. Это предубеждение может долгое время подкрепляться ложным положительным опытом: даже при несоблюдении правил и недостатке умения водители совершают многократные поездки без происшествий. Ложный положительный опыт вводит людей в заблуждение о собственной умелости и

неуязвимости, оправдывая дальнейшее пренебрежение защитными мерами. Еще одно негативное следствие – игнорирование рисков, о которых не упоминается.

Таким образом, представления людей об опасности расходятся с реальными данными: низкочастотные, но масштабные или драматичные события вызывают неоправданный страх, «обыденные» опасности недооцениваются и даже игнорируются, за счет чего люди пренебрегают мерами предосторожности и оказываются еще более подверженными подобным рискам. Уровень ошибочности оценок риска чрезвычайно высок даже в случае хорошо информированных непрофессионалов.

Мотивационные структуры: подконтрольность ситуации. Восприятие опасных ситуаций может быть подвержено эффектам сенсibilизации либо перцептивной защиты. Рассматривая теоретическое представление о влиянии мотивационных структур на восприятие, Й. Брандтштедтер (J. Brandtstädter) выделил две группы гипотез о влиянии знакомого параметра опасности на восприятие угрожающего сигнала [13].

Первая из гипотез, названная автором позитивистской, заключается в следующем: перцептивные и когнитивные процессы тяготеют к позитивному истолкованию неоднозначного стимула, т. е. проявляют тенденцию к перцептивной защите.

Вторая, альтернативная, гипотеза (релевантности) утверждает, что внимание сосредотачивается на тех стимулах, которые соответствуют ведущей деятельности, т. е. проявляет склонность к сенсibilизации. В пользу обеих гипотез релевантности говорят многие исследования.

В исследовании Й. Брандтштедтер, А. Восс и К. Ротермунд (J. Brandtstädter, A. Voss и K. Rothermund) пытались оценить правомочность гипотез в зависимости от наличия у индивида возможности контроля над опасностью. Как показали результаты эксперимента, в группе испытуемых, у которых имелась возможность повлиять на последствия угрозы, чувствительность к угрожающим сигналам возростала, а в группе, которая не могла изменить ситуацию, наблюдалось снижение уровня распознавания опасных сигналов [13].

На основании этого исследования можно предположить, что в восприятии более сложных опасностей также будет играть роль наличие возможности влиять на ситуацию. Возможность контроля над ситуацией подразумевает знание индивида о данной возможности и путях ее реализации. Отсутствие же у человека средств управления опасностью может приводить к развитию состояния, аналогичному выученной беспомощности.

Индивидуальные различия. В психологии риска разделяют готовность принять риск (авантюризм) и восприятие риска. Связь данных аспектов неоднозначна и для разных типов опасности может проявляться различным образом. Исследования авантюризма [33] отмечают отсутствие связи с оценкой добровольно принимаемой опасности и положительную корреляцию с рисками, хорошо известными, но неподконтрольными человеку и имеющими отложенные последствия.

Многочисленные исследования пытались установить связь между личностными чертами, восприятием риска и рисковым поведением. Была подтверждена связь между склонностью к рисковому поведению в сексуальной сфере и импульсивностью [15], высокими показателями экстраверсии, низкими значениями согласия, открытости опыту (в соответствии с «Большой пятеркой») [25]. Высокая потребность в поиске ощущений положительно связана с такими видами рискового поведения, как курение и принятие угроз здоровью, связанных с ним, повышенная сексуальная активность, алкоголизм, делинквентное поведение, небезопасное вождение [32; 34; 22]. Вместе с тем не подтверждается влияние потребности в поиске новых ощущений на оценку риска (за

исключением снижения субъективной опасности сексуальных связей с незнакомыми людьми [21]).

Исследование Х. Каллмена (H. Kallmen) [23] касалось тревожности, самооффективности и локуса контроля в связи с восприятием риска вообще и риска лично для себя. Было выявлено, что испытуемые с низкой тревожностью, внутренним локусом контроля и высокой самооффективностью воспринимают и общие, и личные риски как более низкие по сравнению с испытуемыми с высокой тревожностью, внешним локусом контроля и низкой самооффективностью.

Л. Сьеберг и А.А. Валберг (L. Sjoberg и A.A. Wahlberg) [30] исследовали связь между личностными чертами по Айзенку (экстраверсия, нейротизм и психотизм), паранойей и шизоидным мышлением и особенностями восприятия опасности. Однозначных результатов получено не было. Устойчивая корреляция обнаружилась только между нейротизмом и восприятием риска. Также обнаружилась связь между степенью беспокойства об угрозах, стремлением к контролю над событиями и слабой толерантностью к неопределенности. Вместе с тем связи с восприятием уровня риска не выявилось [26].

Суммируя результаты, можно сказать, что личностные черты являются в большей степени предикторами рискованного поведения, нежели особенностей восприятия риска. С восприятием риска связаны нейротизм, тревожность, импульсивность (являющаяся компонентом тенденции к поиску новых ощущений и авантюризма).

Многие исследования поднимали вопрос о связи восприятия риска и опыта взаимодействия с ним. Б. Ричардсон, Дж. Соренсон и Э. Содерстрем (B. Richardson, J. Sorenson, E. Soderstrom) [27] выявили, что на уровне индивида опыт определяет последующую чувствительность к опасности. Повторяющиеся встречи с угрозами приводят к снижению чувствительности к ним и пересмотру границ допустимого риска. С этим выводом согласуются данные М. Цукерман (M. Zukerman) [33] показывающие, что с увеличением опыта какой-либо деятельности она начинает оцениваться как менее опасная. А. Бентин, П. Словик и Г. Северсон (A. Benthin, P. Slovic, H. Severson) [12] установили, что подростки оценивали деятельность, в которую они вовлечены, как менее рискованную, более известную и подконтрольную, чем те, кто не имел аналогичного опыта. М. Зигрист и Х. Гутшер (M. Siegrist, H. Gutscher) [29] отметили, что люди, зная экспертную оценку риска, имеют склонность соглашаться с ней и повторять ее, однако личный опыт встречи с опасностью изменяет уровень принятия экспертного мнения.

В исследовании К.Л. Твиггер-Росс и Г.М. Брейквелл (C.L. Twigger-Ross, G.M. Breakwell) [31] оценивались отношения уровня опыта риска и его восприятия. Поскольку наблюдения указывали на то, что добровольно принятый и невольный риск оцениваются по-разному, проводилось различие между угрозами по этому критерию. Рост опыта в общем случае положительно коррелировал с воспринимаемым уровнем контроля риска. Вместе с тем при разделении рисков на добровольные и невольные обнаруживается, что опыт коррелирует с восприятием невольных рисков как неподконтрольных, а добровольных – как более известных и контролируемых. Опыт взаимодействия с опасностью может связываться с восприятием риска через информацию, которую человек получает через данный опыт.

Перспективы изучения восприятия опасности внешнего мира в клинической психологии развития

Несмотря на широкий спектр исследований восприятия риска нерешенными остаются вопросы возрастной специфики и динамики восприятия опасности, влияния психических заболеваний на этот процесс. Об этих темах можно судить по данным возрастной и клинической патологии.

Знания о распознавании опасности в детском возрасте в основном сводятся к анализу проявлений тревожности и страхов как эмоциональных состояний, связанных с чувством опасности. А.И. Захаров предполагает, что тревога – сигнал опасности, страх – ответ на нее, а стимулы тревоги – более неопределенные, чем для страха [5]. По данным В.В. Ковалева [8], для детей в возрасте 5–10 лет страхи являются одним из компонентов аффективного уровня реагирования на воздействие вредностей. В то же время страхи выявляются на всех этапах развития ребенка, на разных этапах приобретая различную направленность.

В возрасте до одного года проявляются рефлекторные реакции новорожденных в ответ на громкие звуки, резкое изменение положения или потерю опоры, приближение больших предметов. В дальнейшем шумы и резкие изменения в окружающей среде вызывают реакции, напоминающие страх. О собственно страхе, а не о реакциях беспокойства можно говорить не раньше 6 месяцев.

После полугода ребенок соотносит свою реакцию на воздействия извне с реакцией матери, легко успокаиваясь, если она спокойна. Появляются состояния страха и тревоги, связанные с близким окружением ребенка: вначале ребенок боится остаться один, затем появляется страх посторонних.

В раннем возрасте страх чужих уменьшается, проявляясь иногда конкретным страхом некоторых людей. Выделяются страхи врачей, уколов, неожиданных, громких звуков, одиночества. Начинают развиваться страхи движущегося транспорта, животных. Для младшего дошкольного возраста типична триада страхов: одиночества, темноты и замкнутого пространства. В старшем дошкольном возрасте центральное место занимает страх смерти. Нарастает страх пожара, нападения, войны. В младшем школьном возрасте новая социальная позиция школьника рождает страхи, связанные с учебной деятельностью (страх опоздать). Нарастает страх смерти родителей, появляются мистические страхи (приметы, судьба, рок). В подростковом возрасте ведущими страхами являются страхи смерти родителей и войны. Также выражены страхи собственной смерти, нападения, пожара. У мальчиков в подростковом возрасте выражен страх заболеть или заразиться; у девочек – страхи стихии, высоты и замкнутого пространства [5].

Ключевым периодом для становления процесса оценки опасности мы склонны рассматривать подростковый возраст, поскольку именно на этом этапе происходят значительные количественные и качественные изменения в познавательной сфере: мыслительные процессы протекают быстрее и эффективнее, расширяется запас знаний, происходит преобразование структуры мыслительных процессов. В подростковом возрасте главным образом развивается абстрактно-логическое мышление. В процессе обучения подросток осваивает на логическом уровне мыслительные операции, учится оперировать с абстрактными идеями. Ребенок начинает оценивать жизненные ситуации комплексно: учитывать вероятность их наступления, возможные последствия, вырабатывать собственные критерии, вытекающие из собственного опыта и опыта сверстников, теоретических источников. Также в подростковом возрасте происходит ряд эмоционально-личностных изменений, которые способствуют актуализации темы опасности для подростка, и в поведении подростков можно пронаблюдать последствия этого.

В подростковом возрасте одной из значимых тем размышлений становится чувство необратимости времени, которое сосуществует с нежеланием замечать его течение, с ощущением остановки времени. Особо остро звучит тема смерти. Осознание собственной смертности провоцирует размышления о смысле жизни, ценности личных достижений. Однако долгое время у подростков может сохраняться вера в физическое бессмертие. Следствием этого могут быть отчаянные, смертельно опасные поступки [9].

Развитие представлений о времени и смерти в подростковом возрасте выливается в разнообразные формы эмоциональной и когнитивной переработки. У части подростков наблюдается возвращение иррациональных детских страхов, для других эта тема становится зоной интеллектуального поиска, философского осмысления. Дэвид Элkind ввел понятие «персональный миф» для описания такого проявления подросткового эгоцентризма, как ощущение собственной исключительности вплоть до ощущения неподвластности всеобщим законам природы. Подростки верят, что с ними не могут произойти какие-либо негативные события, они неуязвимы для травм, болезней, зависимостей и будут жить вечно [18]. Такие ощущения бессмертности и неуязвимости могут лежать в основе рискованного поведения.

Рискованное поведение в подростковом возрасте приобретает разнообразные формы и сопряжено с вероятностью различных по степени тяжести последствий. Это может быть вовлечение в деятельность, которая напрямую несет угрозу здоровью или жизни (и это содержание достаточно очевидно – «разборки» между подростковыми группировками, экстремальные виды спорта, посещение потенциально опасных мест, например заброшенных зданий), увлечения с отсроченными негативными последствиями (употребление алкоголя и наркотических веществ, случайные и незащищенные сексуальные контакты). У отдельных подростков наблюдается тенденция к расширению сферы рискованного поведения [20].

Причиной рискованного поведения также может быть недостаток информации. Предостережения со стороны взрослых часто игнорируются либо провоцируют протестное поведение. На первый план выдвигаются знания, полученные от референтной группы сверстников, и собственный опыт, которого часто бывает недостаточно.

Р. Джессор (R. Jessor) предлагает следующую модель рассмотрения факторов, провоцирующих рискованное поведение, разделяя их на пять областей: биологические и генетические, социальная среда, воспринимаемое окружение, личность, текущее поведение. Эти области взаимодействуют друг с другом, заставляя подростков совершать поступки, связанные с риском, или реализовывать рискованный стиль жизни. Например, у ребенка, в семье которого есть алкоголики или наркоманы, может быть предрасположенность к подобному поведению. При этом во внутрисемейном взаимодействии ребенок постоянно сталкивается с девиантными ролевыми моделями, которые усваиваются по механизму идентификации. В результате существует большая вероятность проявления им связанного с наркотиками поведения, чем у ребенка, который не знаком по опыту ни с одной из этих областей. Факторами, ограничивающими рискованное поведение у подростков, являются развитое чувство самоуважения, компетентности, стабильность в семье.

Одна из форм проявления рискованного поведения у подростков – противозаконные действия, которые часто связаны с употреблением наркотиков. Правонарушения по степени тяжести варьируют от мелких краж, хулиганства и вандализма до разбойных нападений, изнасилований и убийств. Большинство детей в тот или иной момент своей жизни вовлекаются в отдельные формы делинквентного поведения, поэтому имеют значение частота и регулярность таких поступков и наличие факта привлечения к ответственности [10]. Факторами возникновения делинквентности считают неприспособленность к социальной жизни, неадекватный самоконтроль, влияние группы сверстников. Делинквентность также может являться способом удовлетворить потребность в острых ощущениях.

Таким образом, можно указать на следующие особенности подросткового возраста, способствующие изменению представлений об опасности: развитие абстрактно-логического мышления, повышение интереса к темам жизни и смерти, появление

«персонального мифа». Эти изменения могут находить свое отражение в рисковом и делинквентном поведении. Также на важность подросткового возраста в становлении процесса восприятия опасности указывают характерные признаки в клинической картине психических заболеваний.

Так, важным элементом в клинической картине шизофрении у подростков являются страхи. Они становятся признаками депрессий при шизоаффективных расстройствах и в содержании отражают специфические для подросткового возраста переживания, иногда встречается «страх страха». Ощущения затруднения мышления могут провоцировать страхи сойти с ума. Внезапные беспричинные страхи также могут проявляться в рамках абортивных приступов до манифестации заболевания [11].

Даже в случае отсутствия у подростка развернутой тревожно-фобической симптоматики в его отношении к окружающему миру могут присутствовать настороженность, недоверие и стремление к обособлению, которые сопутствуют шизофрении по типу «основного шизофренического настроения» [4]. Такое эмоциональное состояние становится основой для сужения границ переживаемой безопасности и переживания постоянного психологического дискомфорта. С развитием патологического процесса в эмоциональной сфере при шизофрении также отмечается ряд характерных изменений разной направленности (обеднение и неадекватность). Начиная с высших эмоций, негативные изменения прогрессируют, переходя в эмоциональную холодность, и, подчас, в апатию [6].

Выводы

Подводя итог обзору исследований восприятия опасности, можно заключить, что данный процесс обусловлен как биологическими, так и социо-культурными факторами и проходит стадию прижизненного формирования, приобретая более сложную структуру и индивидуальные черты. Уже на стадии новорожденности реакция на инстинктивные стимулы опасности начинает переходить на интерпсихическую форму становления, соотносясь с реакцией близкого взрослого. В дальнейшем страхи детей отражают их социальную позицию и освоение ими знаково-символического пласта культуры, абстрактных понятий. В подростковом возрасте процесс восприятия опасности усложняется, что находит отражение на поведенческом и идеаторном уровне.

Восприятие опасности также имеет иерархическую структуру, в которой можно выделить уровни индивида, группы и социума. На индивидуальном уровне факторы восприятия опасности подразделяются на когнитивные (уровень развития абстрактно-логического мышления, механизмы оценки вероятности наступления опасности, тяжести ее последствий и способов контроля над ней, подверженность влиянию социальных стереотипов), эмоциональные (уровень тревожности, склонность к формированию страхов и фобий) и мотивационные (склонность индивида к поиску новизны, установка на самосохранение, возможность контроля над последствиями).

Вместе с тем данных о возрастной специфике и влиянии психической патологии явно недостаточно, и дальнейшие исследования этих вопросов представляют безусловный интерес для психологии и отдельных ее направлений, прежде всего – для клинической психологии развития.

Литература

1. Акулич М.М., Комбарова Е.В. Социологическое изучение социальных рисков: история и современность // Вестник Тюменского ун-та. 2008. № 4. С. 55–62.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелнику и Н.Фёдоровой; послесловие А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Вильдавски А., Дейк К. Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // Альманах «THESIS» (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems; Теория и история экономических и социальных институтов и систем). 1994. № 5. С. 268–270.
4. Груле Г.В. (Гейдельберг). Психология шизофрении. Часть 4 // Независимый психиатрический журнал. 2010. № 2. С. 43–58.
5. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. М.:КАРО, 2006. 268 с.
6. Зверева Н.В., Казьмина О.Ю., Каримуллина Е.Г. Патопсихология детского и юношеского возраста: Учеб. пособие для студ. высш.учеб.заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2008. 208 с.
7. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
8. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста (Руководство для врачей). М.: Медицина, 1979. 608 с.
9. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 256 с.
10. Крайг Г. Психология развития: 9-е изд. СПб.: Питер, 2005. 940 с.
11. Личко А.Е. Шизофрения у подростков. Л.: Медицина, 1989. 215 с.
12. Benthin A., Slovic P., Severson H. A psychometric study of adolescent risk perception// Journal of Adolescence. 1993. Vol. 16. № 5. P. 153–168.
13. Brandtstädter J., Voss A., Rothermund K. Perception of danger signals: the role of control // Experimental Psychology. 2004. Vol. 51(1). P. 24–32.
14. Breakwell G.M. The Psychology of Risk. N. Y.: Cambridge UP, 2007. 335 p. Print.
15. Breakwell G.M. Risk estimation and sexual behaviour: a longitudinal study of 16–21-year olds// Journal of Health Psychology. 1996. Vol. 1. № 1. P. 79–91. Print.
16. Douglas M. Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. N. Y.: Praeger, 1966. 188 p.
17. Douglas M., Wildavsky A.B. Risk and Culture: An Essay on the Selection of Technical and Environmental Dangers. Berkeley: University of California Press, 1982. 224 p.
18. Elkind D. Egocentrism in adolescence// Child Development. 1967. Vol. 38. № 4. P. 1025–1034.
19. Flynn J., Slovic P., Mertz C.K. Gender, race and perception of environmental health risks// Risk Analysis. 1994. Vol. 14. № 6. P. 1101–1108.
20. Jessor R. Risk behavior in adolescence: A psychosocial framework for understanding and action//Developmental Review.1992. Vol. 12. № 4. P. 374–390.
21. Henderson V.R. et al. When risky is attractive: sensation seeking and romantic partner selection/ Henderson V.R., Hennessy M., Barrett D.W., Curtis B., McCoy-Roth M., Trentacoste N. et al. //Personality and Individual Differences. 2005. Vol. 38. № 2. P. 311–325.
22. Hendrick S., Hendrick C. Love and sex attitudes, self-disclosure and sensation seeking //Journal of Social and Personal Relationships. 1987. Vol. 4. № 3. P. 281–297.
23. Kallmen H. Manifest anxiety, general self-efficacy and locus of control as determinants of personal and general risk perception // Journal of Risk Research. 2005. Vol. 3. № 2. P. 111–120.
24. Lima M.L., Barnett J., Vala J. Risk perception and technological development at societal level //Risk analysis. 2005. Vol. 25. № 5. P. 1229–1239.
25. Miller J.D. et al. The utility of the Five Factor Model in understanding risky sexual behavior/ Miller J.D., Lynam D., Zimmerman R.S., Logan T.K., Leukefeld C., Clayton R. //Personality and Individual Differences. 2004. Vol. 36. № 7. P. 1611–1626.
26. Myers J.R., Donna H., Henderson-King E.I. Facing technological risks: the importance of individual differences// Journal of Research in Personality. 1997. Vol. 31. № 1. P. 1–20. Print.
27. Richardson B., Sorenson J., Soderstrom E.J. Explaining the social and psychological impacts of nuclear plant accident// Journal of Applied Social Psychology. 1987. Vol. 17. № 1. P. 16–36.

28. Schmidt F.N., Gifford R. A dispositional approach to hazard perception: preliminary development of the environmental appraisal inventory // *Journal of Environmental Psychology*. 1989. Vol. 9. № 1. P. 57–67.
29. Siegrist M., Gutscher H. Flooding risks: a comparison of lay people's perception and expert's assessments in Switzerland // *Risk Analysis*. 2006. Vol. 26. № 4. P. 971–979.
30. Sjöberg L., Wahlberg A.A. Risk perception and new age beliefs // *Risk Analysis*. 2002. Vol. 22. № 4. P. 751–764. Print.
31. Twigger-Ross C.L., Breakwell G.M. Relating risk experience, venturesomeness and risk perception // *Journal of Risk Research*. 1999. Vol. 2. № 1. P. 73–83.
32. Zukerman M. Is sensation seeking a predisposing trait for alcoholism? // E. Gotheil K.A. Druley S. Pashkey, S.P. Weinstein (eds). *Stress and Addiction*. N. Y.: Brunner/Mazel, 1987. P. 283–301.
33. Zukerman M. *Sensation seeking: Beyond the Optimal Level of Arousal*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1979. 464 p.
34. Zukerman M., Ball S., Black J. Influences of sensation seeking, gender, risk appraisal and situation motivation on smoking // *Addictive Behaviours*. 1990. Vol. 15. № 3. P. 209–220.

A Review of Studies of Danger Perception and Prospects of its Study in Clinical Psychology Development

Veschikova M.I.,

PhD Student, Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center, RAMS, Moscow, Russia, mveshchikova@gmail.com

The objective of studies of danger perception is to predict the behavior of a person, group, or society in terms of the potential hazard, to identify the main groups of factors that affect the risk assessment and sources of distortion of the evaluation. The review presents the sociological theories of danger, reveals the gender differences in the danger perception, and describes in details the individual factors of danger perception. We discuss the prospects of studying the outside world danger perception in clinical psychology of development. We emphasize that the key period for the development of danger assessment process is adolescence, because this is the age when most significant quantitative and qualitative changes in the cognitive sphere occur: the development of abstract logical thinking, increased interest to the life and death, the appearance of "personal myth".

Keywords: psychology of perception, psychology of risk, risk, danger perception.

References

1. Akulich M.M., Kombarova E.V. Sotsiologicheskoe izuchenie sotsial'nykh riskov: istoriya i sovremennost' [Sociological investigations of social risks: history and contemporaneity]. *Vestnik Tyumenskogo universiteta [Tumen university herald]*, 2008, no. 4, pp. 55-62.

2. Beck Ulrich. Risk Society: Towards a New Modernity. London: Sage Publications, 1992. Print. In Bek U. (ed.) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Sedel'niku V. (eds.). Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. 384 p.)
3. Vil'davski A., Deik K. Teorii vospriyatiya riska: kto boitsya, chego i pochemu? [Theories of risk perception: who fears what and why?]. *Al'manakh "THESIS"* (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems; Teoriya i istoriya ekonomicheskikh i social'nyh institutov i system) [*Almanac "THESIS"* (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems)], 1994, no. 5, pp. 268–270.
4. Grule G.V. (Geidel'berg). Psikhologiya shizofrenii [Psychology of schizophrenia], part 4. *Nezavisimyi psikhiatricheskii zhurnal* [*Independent psychiatric journal*], 2010, no. 2, pp. 43–58.
5. Zakharov A.I. Proiskhozhdenie detskikh nevrozov i psikhoterapiya [Genesis of child neuroses and psychotherapy]. Moscow: KARO, 2006. 268 p.
6. Zvereva N.V., Kaz'mina O.Yu., Karimullina E.G. Patopsikhologiya detskogo i yunosheskogo vozrasta: uchebnoe posobie dlya studentov vyssh. ucheb. Zavedenii [Pathopsychology of childhood and junior age]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2008. 208 p.
7. Kahneman D., Slovic P., Tversky A. Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases. 1982. New York: Cambridge University Press. In Kaneman D. (eds.) *Prinyatie reshenii v neopredelennosti: Pravila i predubezhdeniya* [*Decision-making under uncertainty: rules and prejudices*]. Khar'kov: Gumanitarnyi tsentr, 2005. 632 p.
8. Kovalev V.V. Psikhiatriya detskogo vozrasta (Rukovodstvo dlya vrachei). [Psychiatry of childhood]. Moscow: Meditsina, 1979. 608 p.
9. Kon I. S. Psikhologiya rannei yunosti. [Psychology of early youth] Moscow: Prosveshchenie, 1989. 256 p.
10. Grace J. Craig, Don Baucum Human development Ninth Edition Prentice In Kraig G. (ed.) *Psikhologiya razvitiya* [*Developmental psychology*]. 9th ed. Saint-Petersburg: Piter, 2005. 940 p. (In Russ.).
11. Lichko A.E. Shizofreniya u podrostkov [Adolescent's schizophrenia]. Leningrad.: Medicina, 1989. 215 p.
12. Benthin A., Slovic P. and Severson H. A psychometric study of adolescent risk perception. *Journal of Adolescence*, 1993, vol. 16, no. 2, pp. 153–168.
13. Brandtstädter J., Voss A., Rothermund K. Perception of Danger Signals: The Role of Control. *Experimental Psychology*, 2004, vol. 51, no.1, pp. 24–32.
14. Breakwell Glynis M. The Psychology of Risk. New York: Cambridge UP, 2007. 335 p. Print.
15. Breakwell G. M. Risk Estimation and Sexual Behaviour: A Longitudinal Study of 16- 21-year Olds. *Journal of Health Psychology*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 79–91. Print.
16. Douglas M. Purity and Danger: An analysis of concepts of pollution and taboo. New York: Praeger, 1966. 188 p.
17. Douglas M., & Wildavsky A. B. Risk and Culture: An essay on the selection of technical and environmental dangers. Berkeley: University of California Press, 1982. 224 p.
18. Elkind D. Egocentrism in adolescence. *Child Development*, 1967, vol. 38, no.4, pp. 1025–1034.
19. Flynn J., Slovic P. and Mertz C.K. Gender, race and perception of environmental health risks. *Risk Analysis*, 1994, vol. 14, no. 6, pp. 1101–1108.
20. Jessor R. Risk behavior in adolescence: A psychosocial framework for understanding and action. *Developmental Review*, 1992, vol.12, no. 4, pp. 374–390.
21. Henderson V.R., Hennessy M., Barrett D.W., Curtis B., McCoy-Roth M., Trentacoste N. et al. When risky is attractive: sensation seeking and romantic partner selection. *Personality and Individual Differences*, 2005, vol. 38, no. 2, p. 311-325.
22. Hendrick S. and Hendrick C. Love and sex attitudes, self-disclosure and sensation seeking. *Journal of Social and Personal Relationships*, 1987, vol.4, no.3, pp.281–297.

23. Kallmen H. Manifest anxiety, general self-efficacy and locus of control as determinants of personal and general risk perception. *Journal of Risk Research*, 2005, vol. 3, no.2, pp.111–120.
24. Lima M.L., Barnett J. and Vala J. Risk perception and technological development at societal level. *Risk analysis*, 2005, vol. 25, no. 5, pp. 1229–1239.
25. Miller J.D., Lynam D., Zimmerman R.S., Logan T.K., Leukefeld C. and Clayton R. The utility of the Five Factor Model in understanding risky sexual behaviour. *Personality and Individual Differences*, 2004, vol. 36, no. 7, pp. 1611–1626.
26. Myers Judith R., Donna H. and Henderson-King E.I.. Facing Technological Risks: The Importance of Individual Differences. *Journal of Research in Personality*, 1997, vol.31, no 1, pp. 1–20. Print.
27. Richardson B., Sorenson J. and Soderstrom E.J. Explaining the social and psychological impacts of nuclear plant accident. *Journal of Applied Social Psychology*, 1987, vol. 17, no. 1, pp. 16–36.
28. Schmidt F.N. and Gifford R. A dispositional approach to hazard perception: preliminary development of the environmental appraisal inventory. *Journal of Environmental Psychology*, 1989, vol. 9, no.1, pp. 57–67.
29. Siegrist M., Gutscher H. Flooding risks: a comparison of lay people's perception and expert's assessments in Switzerland. *Risk Analysis*, 2006, vol. 26, no.4, pp. 971–979.
30. Sjoberg L., and Wahlberg A.A. Risk Perception and New Age Beliefs. *Risk Analysis*, 2002, vol. 22, no.4, pp. 751–764. Print.
31. Twigger-Ross C.L. and Breakwel G.M. Relating risk experience, venturesomeness and risk perception. *Journal of Risk Research*, 1999, vol. 2, no.1, pp. 73–83.
32. Zukerman M. Is sensation seeking a predisposing trait for alcoholism? In E. Gotheil K.A. (eds) *Stress and Addiction*. New York: Bruner/Mazel, 1987, pp. 283–301
33. Zukerman M. Sensation seeking: Beyond the Optimal Level of Arousal. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1979. 464p.
34. Zukerman M., Ball S. and Black J. Influences of sensation seeking, gender, risk appraisal and situation motivation on smoking. *Addictive Behaviours*, 1990, vol.15, no. 3, pp. 209–220.